

An impressionistic painting of a forest. The composition is dominated by vertical, slender tree trunks that stretch from the bottom to the top of the frame. The brushwork is visible and textured, with a palette of soft, muted colors including pale blues, greys, and earthy tones of ochre, pink, and brown. The light is dappled and atmospheric, creating a sense of depth and movement. The overall effect is one of a quiet, sun-dappled woodland scene.

Наталья Полякова
Радио
скворешен

Наталья Полякова

Радио скворешен

Москва
«Воймега»

2016

УДК 821.161.1-1 Полякова
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
П54

Художник серии: Сергей Труханов

Н. Полякова
П54 Радио скворешен. — М.: Воймега, 2016. — 72 с.

ISBN 978-5-7640-0189-0

Книга издана при поддержке Союза российских писателей.

© Н. Полякова, текст, 2016
© С. Труханов, оформление, 2016
© «Воймега», 2016

*Спасибо родным и близким,
друзьям и знакомым за то, что они
были и остаются в моей жизни.*

*Отдельное спасибо
Кириллу Владимировичу Ковальджи
за доброту и заботу.*

* * *

День вырастал навстречу
Калошкой, дикой иргой,
Вскипал неопознанной речью,
Веткой тугой,
Паутиноквой сонной зыбкой,
Эмалевой синей рекой,
Пушинкой на глади зыбкой,
Травинкой сухой.
И ты становилась легче —
То есть самой собой:
Серую птичкою певчей,
Бабочкой голубой,
Пугливой рыбкой придонной
С рваной нежной губой,
Сорной травой сонной,
Камешком под стопой.
А очнёшься —
Девчонкой тонкой
Со складочкой на щеке,
С влажной спутанной донкой
И червяком в руке.

* * *

Запах детства — «Красной Москвы» и помады,
Бензина дешёвого семьдесят шестого.
Алый галстук. И алые гланды.
Деталей много.

Бусины божьих коровок в душистой полыни.
Кошка, разорванная собакой.
Радуга в степи — симфония линий.
«Не плакай!»

Москитная сетка, одеколон «Гвоздика».
Качели летят на одном винте.
И тюльпаны, как земляника,
Прячутся в темноте.

* * *

Беломора окурки намокли и пожелтели.
На балконе стул влажен и неказист.
Яблони в белых гольфах, яблоки переспели.
Падает нотой до виноградный лист.

Забывая детство в ожогах от расставаний —
Вот в стакане ситро, вот блёстки слепых дождей —
Переводит время в верхний регистр ожиданий
Желторотых поздних вчерашних своих детей.

Ре-ми-фа облетают рябиной следом.
Воробьи восьмушек неспелую треплют гроздь.
Падают ягоды в почву и пахнут светом.
Вечность торчит повсюду, как ржавый гвоздь.

Сыпется соль — на свежую рану обочин —
Опрокинутый кузов недоставленных дней.
Ля — это яблоко зябкое без червоточин,
На снегу тем прозрачнее, чем холодней.

Ярче звёзды на небе, если зима морозней.
Жизнь земную как яблоко надкуси.
Снег в рябиновых каплях весною поздней.
А в руке синицы — жёлтая нота си.

* * *

Пахнет апрель проталинами и луковой шелухой.
На ветке кокон: присмотришься — лист сухой.
Лес золотится пыльцой и цыплячьим пухом.
Дом к выходным наполняется хлебным духом.

Рам деревянные раны проклеены тканым бинтом.
Открываешь окна — воздух впускаешь в дом.
Чёрно-белые дни извлечёшь из цветного альбома —
Дедушка жив и не срублена верба у дома.

Для того, кто нас ловит и топит в любви, как котят,
Слабые свечи своды и тёмную роспись копят.
Отправляешь записки в родительскую субботу
И вербой озябшей пьёшь прошлого талую воду.

* * *

Неловкое счастье с чужого плеча в царапинах, ссадинах, пыли.
Лишайные кошки всего двора и псы по пятам ходили.
Зелёные яблоки вяжут во рту. Укусы натрёшь петрушкой.
И детства парного целый бидон радостно черпаешь кружкой.

Калошка поспела, айда собирать и есть эту сладость горстями.
Запахнет блинами, домашним вином — и дом наполнялся гостями.
И бабушка чёрным глаза подведёт, как в юности, губы — алым:
Даже в селе офицерской жене обабиваться не пристало.

На балконе у дедушки мастерская. Заточка ножей и ножниц.
Так военного лётчика жизнь приучала — пересевшего на запорожец.
Так жили, так водку пили, так в горле першили крепкие папиросы.
И меня под мальчика стригли — всё лучше, чем жидкие косы.

А я и рада, и, чёлку смахнув со лба, тугие крутила педали
И дедушку обгоняла. И открывались с моста иные, озёрные дали.
Я слышала сзади весёлый звонок — он следовал всюду за мною.
Пока не замолк. Пока не замолк. Пока не замолк за спиною.

* * *

Раненой весной река прибывает,
Прибывает льдины, и кажется, дебаркадер
Вверх по течению медленно уплывает,
Если убрать берега за кадр.

Если убрать ольху и синиц охалку,
Двух мужиков с ржавою самокруткой.
Ветер играет шумящей болоньевой курткой,
Треплет озимого поля линияющую тряпку.

Гаснет слепой огонёк, долетев до воды.
Звук уходящей, наспех оборванной речи.
Природа опять переходит на дочеловечий.
Молчащий на все лады.

* * *

Шуми во мне солома, сено, силос.
Шуми, шуми, пока не износилось
Тряпье моё, пиджак мой полосат.
Досадный шум, где скоро будет сад.

Весна включила радио скворешен.
Язык скворцов и остр, и подвешен.
Он целится то в сердце, то в висок.
Но шум растёт во мне наискосок.

Я так у дачно пугалом назначен.
Пиджак на гнёзда птицами растрочен.
Но брызнет из проклёванных пустот
Зелёный шум и речью прорастёт.

* * *

Там ангел — капустница,
А чёрт — майский жук.
Шиповник распустится,
Отбившись от рук.

Там скрипка-кузнечик
И флейта-сорняк.
Паук-человечек
Латает гамак.

Латает и ловит
То сны, то росу.
На слове, на слове —
Держась. На весу.

* * *

Есть правду алую с куста —
Горчинку волчьих ягод.
И заступать за край листа
С пастушьей сумкой тягот.

Пусть клевер с заячьей губой
Четырёхлистник прячет.
Я жизнь свою несу с собой,
А прошлое — тем паче.

Мой свет сквозь ветви зеленой
С морковным вкусом сныти.
Растёт стихийно сад камней
И просит: соберите.

* * *

Человек — посторонний взгляд
На мир, сотворённый Богом,
Обживающий дивный сад
С детским восторгом.

Над ним облаков завитки,
Соловьёв голоса высоки.
Для птиц он поставил силки
И развёл костёр у дороги.

Но ветшающий изнутри
Перед последней дорогой
Вспомнит, Бог говорил: смотри,
Смотри, ничего не трогай.

* * *

Ноги держали в траве,
А голову клали на камни.
Пройдя Кара-Даг,
Разбредаемся по городам.
Но иногда мне кажется...
Кажется иногда мне...
Камень на камне
И сердце на сердце
Оставили там.
Так остаются
Отметины ножевые
На влажной коже
Сонных ещё берёз.
Так падают дети замертво
И тут же встают живые,
Боевые ушибы
Рассматривая всерьёз.

* * *

Вышел и тут же вошёл в себя
И обнаружил чудо:
Поздняя гостья — бабочка сентября —
Бабочка ниоткуда.

Раньше входил — и не было ничего.
Ни души, ни даже
Следов присутствия себя самого.
Она же

Возникла из пустоты одной —
Осторожной нотой.
И то, что стало потом со мной,
Было её работой.

Стало как не было никогда
И не будет прежним.
Старый Крым, живая его вода
В спасительном обережье.

* * *

Линяли холмы от жажды,
Сползая в поисках влаги.
Мы здесь прорастали однажды
Тюльпанами из бумаги.
Качались на стеблях длинных.
Проступали слова на коже.
Но в прописях этих полынных
Заблудится всякий прохожий.
И всякий забудется город.
Особенно — маленький, если
Поднимешься в крымские горы,
Где старые были воскресли.

* * *

Заблудились мухи в полыни сонной.
Стеклодув луны выдувает шар,
И колыхнется ил придонный,
И сумерничает комар.

Залетай на оклик, на свет, на трепет
Белой бабочкой чуть живой.
Тьма лепечет и контур лепит
Чёрной глиной и голубой.

Разговор костра и сухой осоки,
В воду брошенные венки.
И горит звезда в синеве высокой,
Той и этой — на дне реки.

Прогулка на катамаране

Видишь сквозь толщу воды полинявшее дно,
Лягушачью икру и чёрный дрейфующий ил.
И что от того, что всё было, всё было давно?
Я знаю, я вижу, что ты ничего не забыл.

Скрип педалей и шум оглушённой воды,
Разлетаются мушки, и разбегается ряска.
Только ты катал меня так. Только ты.
Лепестки осыпались, как старая жёлтая краска.

— Куда поплывём? Давай это будет такси!
Самое жёлтое — желтее уже не бывает!
Что в переводе — неси мою тяжесть, неси
Любовь мою. Она как вода прибывает.

* * *

У вечности займи и нежности отдай
Меня, моё тепло, моё худое тело.
Держи меня во рту и языком катай,
Как мятный валидол, чтоб сердце не болело.

У верности в плену, у бедности в жильцах,
На риск меняя страх попутно то и дело,
Держи меня в руках, держи меня в руках,
Чтоб выпасть не смогла, очнуться не посмела.

Из лодочки руки, из осени кромешной —
В холодный свет реки. Реки обледеневшей.
Неси меня в горсти, глотай меня неспешно,
Как тёмные плоды черешни переспевшей.

* * *

Дословный шум, на слух неуловимый,
Зелёный на просвет с прожилками ветвей,
Расцвёл на кромке дня у самой горловины,
Где платья белый шёлк и туже, и тесней.

Встречай свою весну с прохладными руками,
Мальчишескою грудью и сердцем мотылька,
Оно уже летит без памяти на пламя,
Оно вот-вот сгорит над жаром уголька.

И белый дым клубил не прахом и не пеплом —
Воздушною фатой, упавшей на лицо.
Пока ты жить спешил в апреле неокреплом,
Поспешно отвечал и надевал кольцо.

* * *

Слова идут навстречу немоте,
Переходя на шаг, на шум, на шорох.
И мы в словах, как в будущем, не те.
Мы — дети, заблудившиеся в шторах.

Найди меня и за руку возьми,
Я буду в платье белом, ветхом тюле.
Так жизнь берут у прошлого взаймы
В каких-нибудь Саратове и Туле.

На стареньком диване, на тахте,
На грубых досках стёртого паркета.
Так долго жить на ощупь в темноте,
Что нам её не отличить от света.

* * *

Снег пришёл, и яблони уснули,
Яблоки под снегом залегли.
Прилетали птицы. Гули-гули...
Поклевали ягоды с земли.
Я им хлеба белого подкину,
Я им пшёнки сытной наварю.
Как они, жива наполовину:
Не замёрзну в зиму — воспарю.
Так живу, как раньше не умела,
Птичий дом и птичье права.
У судьбы в запасе то и дело
Новые находятся слова.

* * *

Дни заносишь в красную книгу —
Тепла исчезающий вид.
Собранную чернику
Свекольный сахар хранит.

Свет узнаёшь по блику,
По привкусу — летние сны,
И ночь добавляет чернику
В манную кашу зимы.

* * *

Над пустой кроваткой журавлик бумажный
Так мучительно нем, как сердце — протяжно.
Сложенных крыльев взмах, разбег, вытянув шею,
Он полетел, полетел, полетел. Как я — не умею.

Складывать крылья как складывать строчки —
Раскрываются сами, только дойди до точки.
Это письмо узелковое: точка — тире — точка.
А в голове — дочка, твоя нерождённая дочка.

Встань на крыло, неумеха, глупая птаха.
Только избавься от страха. Избавься от страха.
И говори, говори, говори. Разговоров тайное жало.
Вырастаешь, и всё малó:
И неба малó,
И жизни малó.

Колыбельная

Ветер гладит против шерсти
Потемневший лес.
Спит младенец. Будет смерти
Жизнь в противовес.

Соло бельевых верёвок,
За окошком тьма.
Весь секрет её уловок —
Пудра и сурьма.

Ходят волки, рыщут волки
Возле и окрест.
Бог не вынет из пелёнки —
Волк не съест.

* * *

Дни закручены в крепком рассоле
С приправой из боли и страха.
У ребёнка проблемы в школе
И в гуашевых пятнах рубаха.

Замочи её в тазике белом.
Завари эту тяжесть жасмином.
А хочешь уснуть в яблоке переспелом
Семечком или на хлебе тмином.

Стать маленькой, беззащитной,
По весне раскрываться почкой.
Или в доме с печкою глинобитной —
Рыбачкой, папиной дочкой.

* * *

Я другое дерево...

Б. П.

Ограда вырастает в дерево и проходит его насквозь.
Привкус железа в листе и небо оттенка стали.
Человек вырастает в то, что с ним однажды сбылось,
Сбивает яблоки и через пятку надевает сандалии.

Обрываются связи, как прогнившие провода.
Проводы по любому поводу изнанкой наружу.
Открываются шлюзы, заполняет пустоты вода.
Человек сандалкой черпает мутную лужу,
Без труда говорит: не выловишь без труда.
И выходит, качаясь что флибустьер, на сушу.

Дороги пускают корни, они идут в рост и врозь,
Срезают углы, сшивают по диагонали.
Что-то не сходится? Что-то отбросить пришлось,
Что дворники в ржавые кучи сметали.

* * *

— День прошёл, а что ты успел?
На манжете гуашь, на жилете мел.

— Мама, мама, не то говоришь.
На лесном пруду пожелтел камыш.
Соловьи улетели в дальние страны.

— На кого ты похож? Покажи карманы.

— Я придумал машину времени, вот чертёж.

— На кого ты похож... на кого похож?..

— А ещё лекарство от смерти,
Верите? Нет? Проверьте.

Спят очки, начитавшись книжек
Про пиратов и злых мальчишек,
Про дрянных девчонок и их лошадок.
Сон приходит глубокий и сладок.
Обнимает подушку — улыбчив и тих —
Лучший твой стих.

* * *

На листе альбомном радуга и поляна,
Небо синее в белых стриках.
Ждали манну, и привалила манна
В образе манной каши и детских криков.

Скрип качелей и скрип рессоры —
Скрепки, сшивающие пространство.
Отпусти коляску — сама покатится в гору
С пугающим постоянством.

Жизнь — это шликер, а слово — форма.
В небытие выливаешь густые остатки.
На спинке стула синееет форма.
И самолёт летит, вырванный из тетрадки.

* * *

Папирос разрывает пачку
Смущённый рыбак.
Берёт в жёны рыбачку,
Говоря так:

Вот рыба-щит, рыба-меч.
Я буду тебя беречь.

Жена отжимает подол и
Вяжет тугой узелок.
Берег исхожен вдоль и
Поперёк.

Спят рыба-облако, рыба-луна.
Рыбачка живёт одна.

* * *

Дождь такой, что настурцию не спасти.
Ночь такая, что... ночь такая..
Снасти рвёт, и страсть продолжает расти,
Как живая.

Облака захватывают восток
Обложными кручёными грозowymi..
Птицей рвётся из рук платок
За ними.

— Белый хлопок в прохладной горсти,
По себе не отыщешь стаю.
Отпустить тебя?
— Отпусти.
— Отпускаю.

* * *

Это утро — последнее утро в Крыму.
Голос моря из жести и стали
И песчаного дна куркуму
На дорогу домой променяли.

— Забывай, не пиши. Между двух городов
Не нарушить потом тишину ты
Готов? Отвечай.
— Я готов.
И стоим, будто в камень обуты.

Этот берег, отломанный в спешке ломоть,
Мы с тобой на двоих разделили.
Это сок или кровь, это плод или плоть
Здесь на рыночке местном купили?

Мы потёкшие фрукты доели вчера
И сложили свои чемоданы.
А с утра... Так любили друг друга с утра,
Как других, как других никогда мы...

Мы, как в воду, входили в сухую полынь,
Трав подшёрсток, целебные дали
Мятых склонов, где боги, сбежав от богинь,
Смертных женщин в бессмертье позвали.

* * *

Пока легка для путника тропа,
Пастушьей сумкой порастает поле,
Где жизнь травы — смятение и борьба
И слово «жаль» нашло себя в глаголе.

Но посмотри, как много дел в саду,
Плоды сочатся сладостью земною.
И дом стоит у солнца на виду,
Что часовой с винтовкой за спиною.

Смотритель комнат, сторож пустоты
И междуречий шороха и скрипа,
Пока хранят портретные черты
На простынях влюблённые Магритта.

* * *

Если бы мы жили в доме деревянном,
Мы б дрова кололи и топили печь.
Облака садились, становясь туманом.
Травы на рассвете забывали речь.

Если бы мы жили у спокойной речки,
Лодочку держали и тянули сеть,
Карасей сушили прямо на крылечке.
Чешуи на солнце разгоралась медь.

В погребе отыщешь листья земляники,
Банок с огурцами боевой отряд.
Мы росли домашними, мы читали книги.
Мы бы не срубили наш вишнёвый сад.

* * *

Снег, отступая, прячется по углам
В тени городских построек и вековых деревьев.
Новый апрель прислушивается к колоколам,
Скованность раннего утра преодолев.

Как мы стояли в дверях осторожной весны,
Рябиновых веток озноб принимая за слабость.
Поздно бояться, мы в прошлом уже спасены.
Перейти это поле, одно это поле осталось.

Лица, как лодки, оттаяли на берегу.
Птица парит над нами воздушным змеем.
— Дай же мне руку, подняться тебе помогу.
Будем друг друга жалеть, как других не умеем.

Теперь тебе видно с обрыва: из всех полыней
Река выползает и станет свободна, когда мы
Простим эту землю за то, что она нас сильнеей,
И нежность и верность слияния Тоймы и Камы.

* * *

«Не» с глаголами пишешь слитно,
Спотыкаешься о слова
И замечаешь: скошена, как трава,
Покинута, беззащитна.

Ноги промочишь — горло промочишь.
Идёшь по колено в полыни,
Выбирая путь покороче,
Вдоль высоковольтных линий.

Не дом и дорога, а поле и роща
И войлок темнеющей выси.
И кажется, легче, и кажется, проще
Негнать-недержать-независеть.

* * *

Ангел пролетает стороной
С готовальной и пером гусиным.
Он парит в просвете тёмно-синем,
Белый тубус виден за спиной.

Проводов натянут нотный стан.
Ласточек летающие ноты,
Чередую такты и длинноты,
Август разрезают пополам.

Это жизни целое число —
Стало дробью. Ты её числитель.
Беспокойный близорукий житель,
Будь здоров. А прошлое прошло.

* * *

Рассвета черта ножевая,
Над лесом запёкшийся край.
Любая беда — наживная.
Не выгорит — переиграй.

Латай проржавевшую лодку,
Лови свою жизнь на живца.
Бросаешь приманки шепотку,
И леске не видно конца.

* * *

Кому ещё ты нужен с потрохами,
Давлением, истерикой, стихами?
Выходишь в мир, пожалуйста, сделать вид,
Что всё в порядке, сердце не болит.

Но сколиоз, колено, катаракта...
Два приступа с симптомами инфаркта.
С простудой безобидной на губе...
Ты носишь жизнь в себе и смерть в себе.

Потетишь самолюбие стишком —
Карась чудной с распоротым брюшком.

Но если смерть — подобие начала
В рыбацкой сети, в лодке у причала,
На кухонном разделочном столе
Под винным соусом с картошкой в золе,

Пусть женщина, поранившая руку,
В рецепт добавит и муку́, и му́ку,
Земную соль, огонь, опасность стали.
И всё, что вы друг другу обещали.

* * *

Лодочка солнца в тёмной воде.
Шелестит пожелтевший рогуз.
Доверивший удочку пустоте
Человек в берег озябший врос.

Редкой собаки прощальный лай
Наматывают колёса, замесят в грязь.
Надевай сапоги, к холоду привыкай.
Но каждая осень как в первый раз.

Любой звук мерещится в тишине.
Любое слово — облачко изо рта.
Раньше на час зажигается свет в окне.
Но бабочка в нём — мертва.

Другой берег

1

Прислушиваться к миру,
Пульсирующему гулу улицы,
Охрипшему рёву шоссе,
Случайным голосам.
А слышать:
Шум деревьев,
Завывание ветра,
Удары крыльев.
Смотреть на типовые панельки,
Ранних прохожих,
Дворников в оранжевых жилетах.
А видеть
Реку и лодку на берегу.
Видеть,
Как вода меняет цвет,
Прибрежные травы линяют,
Бежит последняя водомерка.
А потом всё соединяется
В едва уловимый шум
На фотоснимке.

2

Когда оно приходит —
Наполняет таким светом
И таким счастьем,
Что трудно дышать.
Деревья скрипят,
Птицы звенят,

Лодка плывёт
Без вёсел.
Она —
Путь и одиночество,
И челнок в руках кружевницы —
То здесь, то там.
То лицо,
То изнанка...
Присутствует сразу по обе стороны —
Эту и ту.

3

Отражение на воде — переводная картинка.
Переводишь взгляд на другой берег.
А там — ничего.
Только дырявая лодка.
Только овсяная сойка.
Шум прибрежный
И жёсткий звук полёта майского жука.
Разучиться вращать в землю,
Прирастать жильцами — синицами, жужелицами...
Вскинешь руки — рвутся тонкие нити,
Подует ветер — рвутся тонкие нити.
Божья коровка на пижме —
Дубль
Один/одна.

* * *

За железкой, отмеченной в карте пунктиром,
Ветер идёт через поле, жёлтое и сухое.
Ты выбираешь пустынное и глухое
Место для самодельного тира.

Пуля рвёт алюминий, как спица бумагу.
Банки цветные, как ёлочные игрушки,
Качаются и звенят, пока ты палишь из пушки.
Но пули кончаются. Ты открываешь флягу.

Взбудоражен воздух стрельбою и виски.
Позвонки электрички привыкают к смещению.
Возвращаешься в город к далёким и близким,
Становясь мишенью.

* * *

Жёлто-серый меланж на спицах,
Лес бежит за окном повдоль,
День читает хронику в лицах
Чёрно-белых и бритых под ноль.

Рванный край, уходящий в рубчик.
Швы на теле кривой иглой.
В электричке бухой попутчик
Был на самом деле тобой.

Перекинь петлю на другую спицу,
Распусти стихи и свяжи рассказ.
Мёртвый ночью к утру проспится
И из петельки вынет нас.

* * *

Круглый фонарь. Занесённые снегом пути.
Станционный смотритель
Совершает обход (полночь без десяти),
Накинув потёртый китель.

Прибыв однажды сюда,
Выйдя размяться
На перрон, остался здесь навсегда
Остаться.

По-птичьи занял покинутый дом.
Судьбу не обманешь.
Зимнего леса за мёрзлым окном
Чередование клавиш.

Поезда идут мимо, как ни крути
В голове старый шлягер.
Надевает китель, обходит пути,
Отпивает из фляги.

*рельсы-рельсы шпалы-шпалы
ехал поезд запоздалый
ехал сутки ехал двое
из Порожного в Пустое*

* * *

Вынимаешь рифму и историю вместе с ней.
Цедишь её по капле, как валокордин.
За что ни возьмёшься — фактура вчерашних дней,
Трапеции сонных льдин.

В складках холщовых прячутся фонари.
Северный Альбион. Но проще сказать: ни зги
Не видать. Говоришь вот: умри, умри.
А как умереть посреди строки?

В Невской лавре пекарня, сладкий дымок бежит
Медового воска и белоснежных просфор.
Крестик нательный прабабкой в подушку зашит.
Я нашла, он хранит меня до сих пор.

Снежнаягодник белый — ягод нарву на бегу
Целую горсть. И утро с пустого листа.
Пятна сангины и уголь следов на снегу.
Всё кажется мельче. Если смотреть с моста.

* * *

Иди, ничего не касаясь,
Ребёнок, подросток, мужчина.
И осень, как ранняя старость,
Во влажных морщинах.

Хватит с лихвой и лихом
Всем по любви и вере.
Студентам — портвейна в тихом
Бульварном сквере.

А тебе выходить на площадь,
Где в сумерках обледенелых
Торгуют с лотка на ощупь
Зрелостью яблок спелых.

Уроборос*

I

Свёрток со старой шинелью, пропахшей полем,
Нашли в сундуке на чердаке на даче.
Вытряхнув бабочек, впрыснешь аэрозолем
Мир, что давно утрачен.

II

Дождь с утра, и в бочке садовой вода вскипела.
Яблоки перебираешь, порченые местами.
Земля в веснушках августовских переспелок,
Ночами играющая на тамтаме.

III

Чёрная ходит собака с ошейником, сторожевая,
Глодает объедки и прочую требуху.
Возвращаешься в город и крутишься, выживая,
Как собака, размениваясь на чепуху.

IV

Таджик метёт шагрeneвую кожу, задыхаясь от пыли.
Перелицованный город, гоголевская шинель.
Хлеб на стакане для всех, про кого забыли.
Бабушки вяжут пучки из вербы. Дрожит апрель.

* Свернувшийся в кольцо змей, кусающий себя за хвост.

V

На базаре джигиты правят, бомжи ночуют в канаве.
Всё идёт свои предсказуемым чередом.
Сок арбузный течёт, и семечки как лодочки на переправе.
И облака как пена, бурлящая за винтом.

VI

Сладкое облако на палочке, следы эскимо на платье.
Мы застряли в кабине на большой высоте.
Город лежал беззащитный, розовый на закате,
Подключённый всеми каналами к пустоте.

VII

Ветер в карманах гуляет без сигарет и денег,
Выходит под снег на тебя похожий пиит.
Всё своим чередом. Начинается понедельник.
И блоковский ангел над ним парит.

VIII

Испарина на лице от упавшей температуры.
МКАД как море в ракушке, дождь — сиротлив и мелок.
Лежишь наглотавшись колёс, начитавшись макулатуры.
И ночь как часы без стрелок.

IX

Сердце — пустой скворечник — холодное, нежилое.
Но уже проступили пролежни на Москве-реке.
Герцен писал мемуары и забывал былое.
И начинал жить сызнова, налегке.

X

По Кривоколенному переулку идёт человек из теста
Под дождём, под кайфом, под цветным зонтом.
Озимандия, для твоей земли больше не надо места,
Потому что она фантом.

XI

Берёшь мотоцикл и мчишься из центра в область,
Слепая позёмка тонкий стирает след.
Говорят, за МКАДом пустоты первобытная полость.
Там действительно ничего нет.

XII

Затопленный муравейник — страна, оставшаяся от империй.
Подрезанное дерево, боковой ветвью уходящее в рост.
Кольцо колец в панцире из невежества и суеверий.
Змея, пожирающая свой хвост.

* * *

Всё чаще и чаще тебя вспоминаю,
Будто пластинку заело, как в детстве случилось.
Будто иду каждый раз по краю
Платформы, имя которой Жалость.
Каждый миг расставания — неваляшка.
Никуда не деться от этих упрямых игрушек.
«Наташа, — слышу твой голос, — Наташка,
Хочешь сушку?» И вынешь колечки сушек.
Что угодно сможешь достать из кармана,
Что угодно сказать — я придумаю. Если
Настоящее не обходится без обмана,
Что говорить о прошлом, оно исчезло.
Но есть и такие вещи, такие случались моменты,
Которые ни стереть, ни переписать не можно.
Проще вырезать смерть героя из киноленты,
Но слово останется непреложно.
Как вокзал, где нежность росла между нами,
А пространство ширилось в мазуте и саже.
Где переминались, сверкая ушами,
Безоружные мальчики в камуфляже.

* * *

Речной баркас с чертами лагерной вышки
Желчь машинного масла в ржавое льёт нутро.
Александров ли это, Сергиев или Мышкин —
На любой окраине сыщешь такое ведро.

Мёртвые всё забывают, лежат и срама не имут.
И облака над ними плывут в среднерусской тоске.
Из собственности остаётся только их славное имя.
Шаня, к примеру. Но и оно — графика на песке.

Дети-сироты, прибывшие в лагерь из интерната,
Навещают баркас и шалаши из ветоши вьют.
А ночью их забирает сырая могила палаты.
И девочкам снится, что мальчиков не убьют.

* * *

За просто так, за здорово живёшь
Ложится хлебом под армейский нож.
Расходится по страждущим рукам,
Ломающим его напополам,
Насущный день, присыпанный мукой.
Другим он быть хотел, но он другой:
Запёкшийся, с начинкою сырой,
Весною порастающий травой.
Так было присно и осталось ныне —
Молитва матери о муже и о сыне.
Из всех возможных и иных судеб
Не надломить с сырой землёю хлеб.

* * *

Это земля прозревает. Это она
Темнеет и мокнет, как свежие рваные раны.
Не семена прорастают в ней — времена
И новые страны.
Смерть догонит осколочно и картечно,
Растеряет свои отары
Так безжалостно, так беспечно
Задремавший погонщик старый.
Только осколок памяти слеповатый,
Только обмылок знакомой речи —
Всё, что останется нам от жатвы
Жалости человечьей.

* * *

Что, если не хватит света нам в лампочке люминесцентной?
Что, если погаснет бесценный бесцветно светящий газ?
Тьма будет расти бесцельно под синею изолянтной
Слоёного низкого неба, темнеющего как раз.

Мы будем слова́ на ощупь искать в онемевших книгах.
Мы будем друг друга по шуму случайных шагов узнавать.
И ветки качаться в окнах, и окна в тревожных бликах.
Деревьев косая пропись ложится в земную тетрадь.

Темно в опустевших гнёздах. Скворечников чёрные дыры.
Лови улетающих порознь в морозную первую стынь.
Бросают на землю розы и вещи несут из квартиры.
И в белый цинковый воздух вливают спокойную синь.

* * *

Пустая болтовня
Осоки и полыни.
Пушинки-семена
И бабочек пыльца
Летят через пустырь,
И свет идёт за ними
И ловит на живца.

И ты бежишь на слух
Охотником на выстрел,
Беглец и конвоир,
Овечка и пастух...
Но если Бога нет,
То кто тебя домыслил?
И вёл через пустырь
И выводил на свет...

* * *

Я — чучелко, набитое песком.
С губами-нитками. Глазами. Кукла вуду.
Ты завязал мне руки узелком.
Я не жива и жить уже не буду.

Но та, другая, связана со мной
Бумажным сердцем, платьицем шуршащим.
Она дрожит, она живёт с иглой —
Сквозною болью в сердце настоящем.

* * *

Пахнут руки камфарой и скипидаром.
Грею в мешочках морскую соль.
Это жизнь не даётся даром.
Только так — через боль. И боль
В незащитности тающей плоти,
Её смертности и тщеты.
— Как живёте? — спросите. — Как живёте?
— По утрам снимаю бинты.
Привыкаю летать осторожно.
И другого рецепта нет:
Если верить — и жить возможно,
И свет проверять на свет.

* * *

Слова слежались в почтовом конверте.
Пахнет водкой их рваный край.
Смерти нет, если забыть о смерти.
Ада нет, если не верить в рай.

Так оставь меня моим близким,
Моим преданным, преданным мной.
Я жива, если верить прописке.
Я подкрасила волосы хной.

* * *

Гасишь свет, но светишься изнутри.
Замирает море на цифре три
Чайкой, летящей наискосок.
Все лягут в землю, а ты в песок.

Потому что всюду одни порядки.
Можешь драться или играть в прятки,
Но после полдника в детском саду
Приходят за всеми. И за тобой придут.

Ложатся люди и днём и ночью.
Разница только в выборе почвы.
Попарно или поштучно, но кто куда.
Земля не примет — возьмёт вода.

* * *

Говорят за глаза и вешают за глаза
На нитке от ветки до ветки.
Висишь и сохнешь, и редкая стрекоза
Навестит тебя. И дожди редки.

Сохнешь по морю, поджав плавник,
Жабры открыв на просушку.
А вечер к пивному бочонку приник,
Льёт пену в стеклянную кружку.

Но если представить, что нитки нет,
Нет боли в прошитых глазницах.
И горе — не море. И горя нет.
И рыба — немного птица.

* * *

Лестницу закинув на плечо,
Он идёт за яблоками в сад.
А они опали и лежат
Все до одного дичком ничком,

Отпустив на все четыре — ветки
В тёмно-синий, бледно-голубой —
Облаков, идущих за тобой
Пеньем птиц придуманных и редких.

Падалица отдана природе.
В муравейник юркнул муравей.
Лестницу приладив меж ветвей,
Человек на небо переходит.

* * *

Тоньше перо чертёжное, тени резче.
Переходя со звучащего на немое,
Чётче музыка ангельской речи,
Ветра пение горловое.
Час от часу ноша легче.
Быть счастливым как быть влюблённым
В звёздный свет, мерцающий на конечной
Красным. Потом зелёным.

* * *

когда-нибудь наступит ничего
похожее на огонёк болотный
на лист кувшинки из бумаги плотной
на стан покинутый охотничий и нотный
ты отлучён в изгнании своём
от жеста рук в значении прощальном
от папиросы в тамбуре печальном
от дыма над пустым речным причалом
как распознать мне это ничего
какие призраки у этого ничто и
как угадать задёргивать ли шторы
зеркал уняв пустые разговоры
и всюду быть отсутствуя во всём

* * *

Бумага — зола, и слова — зола.
Карандаш ползёт по бумаге,
К середине движется из угла
В карандашной своей отваге.
Всё открыто, всё на виду,
Всё доступно взгляду и свету.
Человек переходит по льду
Туда и обратно Лету.

* * *

На заборе кружево дикого винограда,
На окне занавеска с гармошкой складок.
Умершим тоже бывает надо,
Чтобы в доме поддерживался порядок.

Пусть без них засыпает пчела в бутоне,
Пачка писем с бабочкой из верёвки.
Люди — прохожие в этом притихшем доме,
Оттого движения их неловки.

На окне герани цветы живые —
Лепестки багровее зёрен граната.
А над кровлей везут гужевые
Облака небесных жильцов куда-то.

* * *

Просыпаясь в тревоге в предрассветную рань,
Перестань отчаиваться, отчаиваться перестань.
Любишь капусту квашеную — учись рубить.
Не услышала — переспрашивай. Любить? Любить.

У ночи подкладка из войлока и стёганый верх.
Это дым исчезающий или взлетающий стерх?
Собирай предосенники, на паутинке суши.
Оглянется день рассеянный — вокруг ни души.

Сухая грибница осени и птицы прощальный взгляд.
Листьями запорошенный, брошенный зябнет сад.
Печёные яблоки к чаю из смородинного листа.
Пустота без отчаянья вовсе не так пуста.

* * *

Так пахнет свет вишнёвой брагой
И на просвет красней
За ширмой с рисовой бумагой
И сакурой на ней.

Так тень бежит за край, так ветки —
В рубец бумажных швов.
Шаги случайны, звуки редки.
Театр твой готов.

Расти, цветы, не облетая,
Но облетая дом...
Кружится бабочка простая
С бумажным животом.

Содержание

«День выростал навстречу...»	5
«Запах детства — “Красной Москвы” и помады...»	6
«Беломора окурки намокли и пожелтели...»	7
«Пахнет апрель проталинами и луковой шелухой...»	8
«Неловкое счастье с чужого плеча...»	9
«Раненой весной река прибывает...»	10
«Шуми во мне солома, сено, силос...»	11
«Там ангел — капустица...»	12
«Есть правду алую с куста...»	13
«Человек — посторонний взгляд...»	14
«Ноги держали в траве...»	15
«Вышел и тут же вошёл в себя...»	16
«Линяли холмы от жажды...»	17
«Заблудились мухи в полыни сонной...»	18
Прогулка на катамаране	19
«У вечности займи и нежности отдай...»	20
«Дословный шум, на слух неуловимый...»	21
«Слова идут навстречу немоте...»	22
«Снег пришёл, и яблони уснули...»	23
«Дни заносишь в красную книгу...»	24
«Над пустой кроваткой журавлик бумажный...»	25
Колыбельная	26
«Дни закручены в крепком рассоле...»	27
«Ограда вырастает в дерево...»	28
«День прошёл, а что ты успел?...»	29
«На листе альбомном радуга и поляна...»	30
«Папирос разрывает пачку...»	31
«Дождь такой, что настурцию не спасти...»	32
«Это утро — последнее утро в Крыму...»	33
«Пока легка для путника тропа...»	34
«Если бы мы жили в доме деревянном...»	35
«Снег, отступая, прячется по углам...»	36
«“Не” с глаголами пишешь слитно...»	37
«Ангел пролетает стороной...»	38
«Рассвета черта ножевая...»	39
«Кому ещё ты нужен с потрохами...»	40

«Лодочка солнца в тёмной воде...»	41
Другой берег	42
«За железкой, отмеченной в карте пунктиром...»	44
«Жёлто-серый меланж на спицах...»	45
«Круглый фонарь. Занесённые снегом пути...»	46
«Вынимаешь рифму и историю вместе с ней...»	47
«Иди, ничего не касаясь...»	48
Уроборос	49
«Всё чаще и чаще тебя вспоминаю...»	52
«Речной баркас с чертами лагерной вышки...»	53
«За просто так, за здорово живёшь...»	54
«Это земля созревает. Это она...»	55
«Что, если не хватит света?..»	56
«Пустая болтовня...»	57
«Я — чучелко, набитое песком...»	58
«Пахнут руки камфарой и скипидаром...»	59
«Слова слежались в почтовом конверте...»	60
«Гасишь свет, но светишься изнутри...»	61
«Говорят за глаза и вешают за глаза...»	62
«Лестницу закинув на плечо...»	63
«Тоньше перо чертёжное, тени резче...»	64
«когда-нибудь наступит ничего...»	65
«Бумага — зола, и слова — зола...»	66
«На заборе кружево дикого винограда...»	67
«Просыпаясь в тревоге в предрассветную рань...»	68
«Так пахнет свет вишнёвой брагой...»	69

Наталья Полякова. Радио скворешен

редактор:

О. Нечаева

корректор, технический редактор:

О. Тузова

В оформлении обложки использован фрагмент картины Клода Моне из серии «Тополя» (1891).

издательство «Воймега»

voymega@yandex.ru

alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 20.11.2015.

Формат издания 60x90/16. Усл. печ. л. 4,5.

Тираж 500 экз.

Наталья Полякова родилась в городе Капустин Яр Астраханской области. Окончила Литературный институт. Публиковалась в журналах «Дружба Народов», «Интерпоэзия», «Новая Юность», «Волга», «Новый Берег», «Урал» и других изданиях. Автор книг «Клюква слов» (2011) и «Сага о московском пешеходе» (2012). Лауреат премии им. Риммы Казаковой (2009). Живёт в Москве.